

ЛЕНИНГРАД

В ЕЛИКИЕ города России умирают. Ленинград и Москва — в кольце блокады. Некогда зашедшие столицы только и говорят, что о яйце, хлебе, молоке. На каждом углу со страниц демократической прессы выглядывает экс-генерал Калугин. У площади Восстания кришнаиты затаили свою многочасовую «Харе, Кришна, харе Кришна, Кришна, Кришна, харе харе, харе рама...» Молодые ребята, сильные голоса, девушка с ребенком на руках раскачивается в такт бубну. На Староневском молодые ребята кладут монетку в ладонь нищего: «Кто ж им еще подаст, кроме нас. Проходят, как бараны, копейку им жалко. Взять бы пулемет да...» Каким-то чувством понимаю — «афганцы». Теряются в толпе у коммерческо-кооперативных киосков, в которых короткая кожаная курточка стоит 2300, мужские ботинки — 700, сигареты «Мальборо» — 30, свинина — 25, волка в коммерческом — 20...

В закоулках Васильевского к мерзейшему ледяному пиву с утра стоят опохмеляющиеся — словно по ниточке: это — Ленинград. Здесь тебя по-прежнему испепелят взглядом за брошенный мимо окурков. Здесь по-прежнему постоянно перестраиваются у автобусных дверей — кому выходить первому, чтоб не толкаться в последний момент. Здесь никогда не толкнут в плечо «Передай талончик!», и всегда окликнут: «Будьте любезны...»

Но много злых. Но перекопан весь Большой проспект В. О., но провалена крыша у гостинки. Но чисто светятся лишь окна рестораников, где по-русски одна надпись: «Обслуживание только за свободно конвертируемую валюту».

А на пачках ленинградского «Беломора» вместо «Минздрав СССР предупреждает» появилось «Не курите при детях» — куда убедительнее.

Мой друг, рабочий Невского машиностроительного, замечает:

— Хорошо бы, если бы они напоминали «Не курите, пожалуйста, при детях...»

Да, это было бы вполне по-ленинградски...

Часто «стреляют» сигаретку. Полукилометровая очередь за табаком, однажды развернувшись я с поперек Невского, не решила табачной проблемы. (Кстати, милиция ходила вокруг, мол, давайте ребята, мы с вами).

— Извините, у вас закурить не найдется? — спрашивает девушка на остановке.

— Разумеется, если вас устроит вот такая. — мой друг протягивает пачку «Армавир».

В условиях дефицита и всеобщей грубости она никак не ожидала такого вежливого ответа. Дефицит заставляет нас быть хамами, ненавидеть друг друга, занимать эти несчастные сигаретки. Ты останешься человеком, если будешь идти наперекор системе. Иначе, в условиях грядущего рынка, мы станем свиньями, зверями. Проста побасенка, да с намеком:

«Вышел антиалкогольный Указ. Брат пьет водку. Стучится брат. Брат не открывает.

Исчез кофе. Брат пьет кофе. Стучится брат. Брат не открывает.

Пришел рынок. Брат что-то ест, не открывает...»

По ТВ неистовствует небритый Невзоров. Пришел он к 9.00 в Смольный. Вовремя на работу вышел один председатель Ленсовета А. А. Собчак. Эх-эх, демократы-депутаты...

37 депутатов Ленсовета голосовали за вывешивание 7 ноября траурных флагов. Город, колыбель революции...

Все ищут ответа на вопрос: кто автор новой блокады? Озлобленная голландная провинция мстит за «визитки», без которых ни черта не купишь? Мафия, недовольная, что отобраны тайные рычаги власти?... Милитаристы, готовящие военный переворот и сильную руку?

Слышится голос коммуниста Лигачева: «Я верю, это явления временные. Все вернется...»

Отчасти, Егор Кузьмич. Что Ленинград будет Санкт-Петербургом — голову на отрез даю. Насчет Восточной Европы и вашего персонального самолета... Это вряд ли...

ражение того разброда, который царит в экономике и политике Государства Российского. Страны Советов. О них, родимых, один, продолжающийся бесконечно разговор и в пивнушках Ленинграда, и на этажах Дома журналистов, и в литературных салонах второй столицы, и в переполненных беломорских автобусах типа «Чебурашка»... Что, где, почему, что будет, не пойдём ли с рукой протянутой по миру? Костерим, нарушая Указ, Горбачева, выжидательно посматриваем на Ельцина и его команду...

..Бревенчатый домик над пустынным карельским озером, к которому прилепилась наша заброшенная деревушка. Когда то здесь ходили с песнями девки, по субботам дымились бани, мельница молола муку, мужики ловили рыбу и осторожно, со знанием, рубили лес...

Мы сидим у окошка — смотрим, как меняется погода — удивительно! — каждые пять минут — то дождь, то снег мокрый, то тучи, чуть не трубу за-

реди; не Ленинград, не достоинься.

В Бресте — чисто, солнечно, холодно. Неинтересно.

— Где держатся у власти коммунисты — все есть, — объясняют родственники.

Может быть, и так. Не порваны старые хозяйственные и личные связи. Не будет хлеба — партбилет положишь, как в старые времена.

Железный стимул — партбилет, кресло...

Так бы было, но плюс свобода, воздухом которой дышит голодный Ленинград...

Впрочем, не знаю, не знаю...

АРМАВИР

Н Е ХОЧУ, чтобы газетой с моей статьей тыкали демократам в нос; вот, дескать, не нужно рыпаться, а то будет, что в столицах.

Да, конечно, в Армавире, на мой взгляд, командно-административная система сохранила свои позиции и она же поддерживает среднен-

ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

через пять с половиной лет после начала перестройки

БЕЛОМОРСК

ИЗ КОНЦА в конце этого карельского городка проехать — рубль. И то сдачи копеек 12 дадут. В городе всего восемь машин такси...

Беломорский канал. Земляные берега. Раньше, говорят, так и ловили шпионов. Выходит шпион к каналу — речка, как речка — ни бетонных берегов, трава, да лес, да земля. «А где тут у вас Беломоро-Балтийский канал?», — спрашивает. Ему вместо ответа — белы ручки за спину. Россия...

Весь город ест рыбу. Больше нет ничего Курево и водку покупают в поездах. «Космос» — пять рублей. Моряки и лесорубы кутят в ресторане «Чайка» — дневной столовке, в которой по вечерам подают водку, коньяк и рябину на коньяке в графинчиках с отбитыми горлышками. Както вроде возвращаясь из этого ресторана кто-то очень большая местная «шишка» — запустил ракетницу на радость, да в чье-то окно попал. Пожар. Полез тушить.

«Орден ему дать за отвагу на пожаре», — гудит народ.

Эта осень, как говорят, была на редкость ягодной. Бруснику с черникой я уже не застал, а вот клюквы — море. Слово кто из лукошника по болоту рассыпал — красное болото! Правда, мы лакомились, а люди собирали. Ведро на полустанках — до 40 рублей! Или на заготовки. Наезжие барыги обменивали водку на заготовочные справки, а потом по ним отоваривались в заготовочных магазинах японскими швейными машинками, американскими свитками — по госцене! Не это ли баракло лежит в кооперативных киосках аэропорта «Внуково», но уже по тройной цене?!.

Ловлю себя на слове: что-то я все о ценах. Да что поделывать, они — от-

девают, то прояснится и солнце на всю округу, и вспыхивают светло дальше, за Сумозером, леса, роши еще не облетевших берез.

Сидим, едим рыбку: сига, ряпушку и хлеб с луком — больше ничего нет.

О чем говорят русские мужики в отпуске? О работе. О политике. Он — сторонник сильной руки. Я уже вообще перестаю что-либо понимать. Вернее — не хочу. Есть более важные вещи — душа, например и каждый спасается сам. Я здесь, на краю России, спасаюсь от работы, цен, политики, экономики.

Экономика проста: поймалась рыбка — будет ужин, нет — картошкой переберемся. Ничего, не страшно... Вот уже и леса в снегу, метет...

Середина октября...

БРЕСТ

П РОПУСКАЮ Москву. Писал о ней недавно, хватит с нее. Да и мало что изменилось за месяц: только хуже стало.

Хуже и в Бресте. Хуже, чем десять лет назад. Но сравнить со столицами — рай земной. Насчет поест, я имею в виду. Мясо, сыры, гречка, да и книги, одежда, другие товары всякие. Табаку, правда, нет. Водки тоже — только в коммерческом по 25. Да еще и слух прошел, что полагается — всю размели. Сигаретами никто не спекулирует, только в ресторане, по страшному секрету — по пять рублей «Космос». Пиво великолепное, но, как и в Армавире, предпочитают лезть без оче-

кий уровень наполненности магазинных прилавков. Вот двух курочек дохлах купил, из костей супик сварил. Вот и эти заметки пишу без внутреннего и внешнего цензоров. И демократы кусаются, а их не травят. Так себе, нормальничко.

Но... Но как работать таким, как я, экстремистам по характеру?

Не петь же «Аллилуйю» учредителям — ГК КПСС и горисполкому (заметьте, что на первом месте, что на втором). Не размахивать же своими демократическими принципами, которыми конечно, не поступился, но вывел из них ускорение. Потому что база для разрушения, для ускоренного разрушения, думаю, исчерпана. Ну сменим мы завтра горисполком на 100 процентов, ну отольвим КПСС с предприятий. Послезавтра в городе наступит голод и холод, а по моим (по крайней мере) окнам начнут стрелять неodemократы, потому что и им «Аллилуйю» не спую.

Дело журналиста — смотреть и видеть. Подходить к каждому коммунисту и демократу, к каждому их действию с меркой здравого смысла.

Дело народа — не безмолвствовать.

Почему вы молчите, граждане? Может быть, мы чего не досказали вам? Москва, Ленинград — наше будущее. Не жирный Брест посреди голодной, разрушающейся страны...

К. КРИКУНОВ.

Армавир — Ленинград — Беломорск — Брест — Москва — Армавир.